

УДК 811.51.512.3

ББК (Ш) 81

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Extralinguistic Factors of the Anthroponymic Systems Formation of the Mongolian Peoples

И. А. Ламожанова (I. Lamožanova)¹

¹кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Забайкальского государственного университета (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist at Transbaikal State University). E-mail: Lamira76@mail.ru.

В статье предпринято комплексное исследование основных экстралингвистических условий, источников становления систем личных имен у бурят, монголов, калмыков. Приводятся сведения из истории контактов монгольских народов с другими этносами, особенности основного компонента культуры – религии, которая в средневековье характеризовалась своеобразным эклектизмом, рассмотрено состояние именника.

Ключевые слова: экстралингвистический фактор, Монгольская империя, средневековье, религия, антропонимическая система.

A proper noun, particularly a personal name, is a part of an individualizing function, and generates such features as “distinctness and concreteness” in speech because it indicates a certain denotation that is closely related to the onym. It means that the extra linguistic factors play an important role in the formation of the proper nouns. These factors are of historical and cultural events, and they highlight components in society’s vital activities that are indicative of any fundamental aspects of either a social or cultural appurtenance. Complex researches of a language, in particular, researches of proper nouns’ system, are reasonable. This necessity probably gave birth to the direction some have taken in the fields of cognitive linguistics.

The main components that help form the extralinguistic conditions, the essential sources of formation that are used to create personal name systems like Buryats, Kalmyks, derived from a Mongol cultural aspect are examined in the article. The information is analyzed from the history of Mongolian clans’ contacts with other ethnic groups. Also, some features from the main cultural component extracted from their religious practices were characterized, peculiarly, to reflect the eclecticism during the period of the Middle Ages. Mongols are one of the most ancient people of the world, and their system of thinking can be viewed from their unique history, distinctive culture, peculiar traditions, and customs. Mongols’ military campaigns under the leadership of Chingis-Khan in large areas caused remaining of their proper nouns to stay intact. The proof of it is in such marks as geographical names of Mongolian language origin. In addition, there was foreign vocabulary in Mongolian anthroponymicon. Turkisms and sinologisms became later manchurism attributes. Religious eclecticism: the original religion- Shamanism, Christianity, Islam are reflected on personal names’ system, as well. Later Buddhism’s distribution is also reflected on this system of personal names. So, some original personal names in “The Secret History of the Mongols” have shamanic roots. Scientists have found Christian origin in the name of the fifth son of Jochi-Syban. The main medieval Mongolian tradition of giving names to people still exists in the culture of the modern Mongolian people.

Keywords: extralinguistic factor, the Mongol Empire, Middle Ages, religion, anthroponymic system.

Онимическая лексика функционирует в каждом языке мира в большом количестве, что обусловлено ее назначением — индивидуализировать предмет в массе однородных, которые обозначены обычной нарицательной лексикой. Сказанное подтверждается тем, что имена собственные имеют ярко выраженную предметность. Семантика апеллятивной основы имен собственных в большинстве случаев тяготеет к нулевому показателю. Асемантичность возникла вследствие потери понятийного плана содержания и соотносительности с конкретными реалиями. Это, в свою очередь, привело к тому, что в основном онимы, особенно антропонимы, непередаваемы с одного языка на другой язык. Осуществление индивидуализирующей функции имен собственных способствует появлению в речи таких признаков, как «определенность, конкретность» [Суперанская 1990: 5], поскольку оним и денотат между собой тесно связаны. Отсюда следует, что экстралингвистические факторы играют важную роль при образовании имен собственных. Указанные особенности — это ономастическая универсалия для всех языков. Вместе с тем, кроме универсальных особенностей, каждый антропонимикон отражает собственные оригинальные черты как в плане внеязыковых предпосылок, так и в представлении их посредством онимов. Творчество в процессе именования происходит непросто, продуманно, ответственно, и это обусловлено религиозными воззрениями, национальными и семейно-брачными традициями, обычаями, культурой и др.

Комплексное исследование языка обосновано давно. Так, Л. В. Щерба указывал на тесную связь между языком и его носителем: «Я же зову любить, наблюдать и изучать человека... как единственного истинного носителя языка как выразительного средства» [Щерба 1962: 98]. Лингвисты выразили свою четкую позицию относительно данного положения во время научного обсуждения новой методологии: «... конкретный материал может быть проанализирован лингвистически, только если он поставлен в связь с общественными явлениями, особенностями жизни данного языкового коллектива, возрастными, социальными, имущественными отношениями и положением говорящих» [Ахманова, Краснова 1974: 42]. И анализ онимической лексики должен проводиться в аспекте исследования внелингвистических факторов, повлиявших

на формирование именника. Эти факторы представляют собой любые исторические и культурные составляющие жизни этнической общности. Данное положение подтверждено на материале антропонимии монгольских языков В. В. Денисовой, которая выявила ономастические универсалии в экстралингвистическом аспекте [Денисова 2004: 68–141].

Антропонимикон в каждом языке является особой лексической подсистемой. Такие характеристики антропонимической системы, как ареал формирования, количество, редкость (раритетность) / частотность, не тождественны таковым обычной нарицательной лексики. И, по мнению А. Г. Митрошкиной [1987: 15–21], следует разграничивать апеллятивные и антропонимические диалекты. В основе обоих диалектов — историчность и соотносительность с конкретными территориями проживания их носителей. Однако антропонимические диалекты, или изоглоссы, в монгольских языках имеют совершенно другой характер. В связи с вышесказанным мы предпринимаем описание основных историко-культурных, этнографических предпосылок формирования системы номинации у монгольских народов.

Монголы обладают уникальной историей, самобытной культурой, своеобразными традициями и обычаями. Ряд исследователей считает, что основным этническим ядром первого государства хунну на территории Центральной Азии являлись монголы [Сухбаатар 1996: 68].

Разрозненные в постоянных междоусобицах монгольские племена после провозглашения единой Монгольской империи под предводительством Чингис-хана (Темучина) громко и на века заявили о себе на мировой арене XIII–XIV вв. военными походами, которые были направлены на запад и юг. Завоевания чингисидов обширных территорий Средней Азии, Казахстана, Афганистана влекли за собой след — например, географические названия монгольского языкового происхождения [Мурзаев 1974: 259–268]. В монгольский язык также проникала тюркская лексика. Так, в языке «Сокровенного сказания монголов» (ССМ) — это названия рек, городов, этносов, титулов — **Идил (Волга), Бухар (Бухара), канлин (канглы), солтан** [Козин 1941: 507, 508].

Система личных имен у монголов во времена Золотой Орды представляет собой

следующую картину. По всей вероятности, многие монголы имели тюрко-монгольские или тюркские имена. Так, хан Золотой Орды, потомок Джочи, имел имя **Тохтамыш** [Банзаров 1997: 118]. В Древнетюркском словаре [1969: 577] значится **Toqtamış**. Это имя можно этимологизировать от др.-тюрк. глагола **токта-** ‘остановиться, удержаться’ [Малов 1959: 104], а также от монг. формы глагола **тогто-** с таким же значением. Н. А. Баскаков [1979] описывает множество русских фамилий, восходящих к тюркским апеллятивным основам, обоснованно предполагая, что основы этих русских фамилий — личные имена — имели чингисиды времен Золотой Орды: **Чаада(ев)~Чеода(ев)** — основа фамилии — личное имя второго сына Чингис-хана **Джагатай~Чагатай**, в основе же имени монг.-тюрк. **džayataj~čayataj** ‘храбрый, честный, искренний’ [Баскаков 1979: 223]. **Сабур(ов)** — араб. **šabur** ‘терпеливый, выносливый’ [Баскаков 1979: 57]. У бурят Верхоленья встречается имя с подобной звуковой основой **Шабуур**, здесь инициальный *s/š*. **Скрыпе(ев)** — тюрк. **soqyr~soqyr**, монг. **soxor** ‘слепой, слепой на один глаз, кривой’, **bej~bīj** ‘князь, господин, вельможа, дворянин’. Ср. калм. **Сохр**, монг. **Добу Сохор** (ССМ), бурят. **хохор** ‘слепой’. Последнее → ойконим **Хохорск** (село в Иркутской области). **Тарбе(ев)**: первоначальная основа — тюрк.-монг. слово, которое состоит из глагола **tarbaj~tarbuj~tarbej-** ‘растопыриться, раскорячиться’ и суф., образующего имя действующего лица и прилагательное **-γaj// -gej, -aj// -ej — tarba(j) —γaj // tarbe(j) —gej** ‘раскоряченный, раскоряка; растопыренный, растопыря’ [Баскаков: 68, 60–62]. В бурятском антропонимиконе функционируют фамилии **Тарба(ев)**, **Дарбе(ев)**, личное имя **Дарбай**, в основе которых бурят., монг. **дарбай** — ‘быть растопыренным, оттопыриваться’. **Татар(ун)(ов)** — **Татар** — потомок Чингис-хана. Антропоним восходит к этнониму **татарин** [Баскаков 1979: 122]. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина встречается личное имя **Татаар** [Рашид-ад-Дин 1952: I–1, 75]. Ср. бурятскую фамилию **Татар(ов) (а)**. **Булат(ов)** ← **Булат~Болат~Пулат**, имя — от **bulat** ‘сорт стали, стальной клинок, сталь’. У бурят **Булад** (универсальное, западное и восточное Прибайкалье), **Болод** (локальное, восточное Прибайкалье). Калм., монг. **Болд**. **Анбай~Амбай** — от **aman** ‘благополучный, невредимый, здоровый’

← арабское **amān** ‘безопасность, мир, пощада’ и **baj** ‘богатый, господин’ [Баскаков 1979: 227]. В родословии бурят села Бурлай Качугского района Иркутской области зафиксированы индивидуальное имя **Амбай** и групповое семейное **Амбайтан**. **Нагай** — монг. **похaj** ‘собака’. Ср. потамоним **Нагай(н) ухан** ‘река Нагая’ (в верховьях реки Лены Иркутской области). Название этноса в составе Золотой Орды сохраняется в бурятском языке в форме личного имени **Алаан**, вероятно, как компонент генонима эхиритского племени **Алаани Балтай** ‘Балтай Алана’. Геноним **Алаани Балтай** → ойконим **Алаани Балтай**.

В период монгольской империи Юань в монгольский язык проникали китаизмы. Это в основном титульные и личные имена: **тайiji** — от кит. **тай-цзы** ‘царевич’ [Владимирцов 1934: 142]. Есть основание полагать, что китаизмы заимствованы монгольской антропонимией в этот период и сохранились до настоящего времени в бурятском антропонимиконе: **Тайжа** (жен.) (эхирит. говор) — ‘тайджи (князь, дворянин)’; **Маа** (качуг. говор) — возможно, от кит. **mā** ‘лошадь, конь, конный’; **Паанха** (качуг. говор) — ср. кит. **pān** (фамилия), ср. маньч. **панхaj** (<кит.) ‘рак (зоол.)’; **Мадаас** (бохан. говор) — ср. кит. **mādaz** ‘переметная сума (у седла)’.

В эпоху империи Цин монгольский язык заимствует маньчжуризмы, которые дают основу для личных имен: **амбань** [История Монгольской 1983: 212–213] — в родословной таблице (в XVI колоне от начала) у сагаангууд (Агинский Бурятский округ) (АБО) есть имя **Амба– амба(н)** ‘уст. амбань, сановник’, у монголов — **Амбан** ‘уст. губернатор, вельможа’. У калмыков — **Амба** ‘уст. сановник; тибет. крупный, высокого роста’ [Монраев 2012: 122]. У монголов Китая наличествуют формы с **-нга/-нго** [Монголджин-у ... 1991: 157]: **Агдунгга** — маньчж. **акда-** (**агда**) ‘доверять, надеяться, верить’; **Айшингга** — маньчж. **ajcu** ‘польза, выгода’; **ajcūn** ‘золото’; **Сабингга** — маньчж. **сабу** ‘предзнаменование (доброе)’. Монгольская антропооснова + **-нга/-нго**: **Ачингга**, **Дэгжингга**, **Тогтонгга**. В «Шара туджи» [1957] встречается **Нэмэнгэ** — ср. монг. **нэмэ-** ‘дополнять, прибавлять’, вероятно, в смысле пожелания деторождения. Монг. **Толинго** — **толь (толин)** ‘зеркало’. И в бурятском антропонимиконе встречаются подобные имена: **Байнга** (муж., жен.)

— **бай-** ‘остаться (жить)’, **Бүрхэнгэ, Шадрангаа**. Антропоформант имеет эвенкийское языковое происхождение. Вероятно, со времен правления Цинь сохранились имена у бурят — **Манжа, Манжи, Мянж, Манжуу, Манжа** ‘Маньчжурия’.

Одной из основ формирования антропонимикона является главный компонент духовной культуры, который характеризовался религиозным эклектизмом: исконная религия — христианство [Карпини 1957: 145–156], ислам [Хара-Даван 1991: 194], шаманизм [Скрынникова 1995: 69]. Так, представляется убедительным высказывание П. Пелльо о христианском происхождении имени и монгольской модификации имени пятого сына Джочи **Сыбан** (от **Степан**) [Карпини 1957: 207]. Вдова Тулуя, ее имя **Соргахтани-беки** — **соргах** ‘родимое пятно’, **-тани** — архаическая форма суффикса женского рода, **беки** ‘княгиня’, была несторианкой [Карпини 1957: 207]. Распространение буддизма позднее, с конца XVI–XVII вв., заметно меняет корпус именника по языкам происхождения.

Источник монгольского антропонимикона — «Сокровенное сказание монголов». Исконные имена в ССМ характеризуются по структуре как однокомпонентные (с антропоформантами и без), двух- и трехкомпонентные, по семантике — социально и религиозно обусловленные. К первому типу можно отнести: 1. **Восхваляющие**: женские имена с **гоа/гуа** <стп.-м. **үгөө** ‘красивый, изящный’ — **Алан-гоа** — **алан** калм. ‘девственная, непорочная, чистая; изумление, загадочное явление’ [Долгих 1960: 250–251; Нимаев 1988: 82]. Ср. калмыцкое этнонимическое название **алангосуд** [Долгих 1960: 250–251; Нимаев 1988: 82]. **Борогчин-гуа, Гуа-Марал**, в фольклоре **Наран-Гоо-хон** (антропоформанты отделяем дефисом), **Түмэн-Гоо-хон, Гоо-хон**. Ср. бурят. **Гоо-хон**, прозвищное имя **Гое Бааля** ‘красивая Валя’, калм. **Гоо-га**, монг. **Гэрэл-гоо. Хубилай** — возможно, в основе имени монгольское сочетание **хувь заяа** ‘судьба, участь, доля’. Ср. бурят. **Хубдай** или **Хубадай**.

2. **Содержащий какой-либо признак**: **Мэнгэ-л, Мэнгэ-л-ун** — от **мэнгэ** ‘родинка, родимое пятно’ [об антропоформантах -л, -ун см. Митрошкина 1987: 115, 106]. Ср. калм. **Менгэ** (жен.).

3. **Возвышающие**: **Цуу** — **цуу** ‘молва, слава, известность’. В бурятской антро-

понимии это имя имеет форму **Суута** (в родословии Шоно, Шарайд) ‘известный, знаменитый, прославленный’ → ойконим **Суута** (Верхоленье). Ср. и у калмыков, и у монголов — **Суут**.

4. **Прозвищные**: **Их-нүдэн** ‘большеглазый’; **Тарг-уудай** — **тарган** ‘упитанный, толстый’.

5. **Ситуативные** имена: **Джебе** ‘стрела’. Носителю присвоено это имя в честь того, что он подстрелил коня Чингис-хана [Хара-Даван 1991: 35]. У бурят **Зэбэ**, у монголов **Зэв**, у калмыков **Зев. Зочи** ‘гость’. Калм. **Зөч**.

Ко второму типу можно отнести следующие. 6. **Пожелательные**: **Мөнх** ‘вечный’ распространено у бурят, калмыков, монголов. **Тохтоа**. Этому имени соответствуют бурят. **Тогтохо** (муж., жен.) ‘оставаться (жить)’, **Тогтоон**, калм. **Тогт, Тогтн, монг. Тогт**.

7. **Цветовая символика** в именах: **Хара-ндай, Хар-чу, Хар Хадаан** — **хар** ‘черный’ как символ силы. В Верхоленье фиксируется имя **Хадаан. Хөхө-чу** — **хөх** ‘синий, голубой’, ср. **хөх мөнх тэнгэр** ‘синее вечное небо’. Цветовые имена распространены у монгольских народов.

8. Имена, в апеллятиве которых **названия животных и их масти**: **Хасар** — ср. калм. **хаср** ‘охотничья собака’; имя **Хаср** встречается у калмыков. **Хасар бала** — тюрк. **bala** ‘дитя’; **Хуагчин** — монг. **хуа** ‘каурий, рыжеватый (о масти)’; **Хуаран**. Ср. бурят. **Хуаанар. Хүлүг** ‘аргамак, рысак’. У бурят и монголов **Хүлэг**.

9. Имена — **названия предметов быта**: **Хонхо-тан** — **хонхо(н)** ‘звонок, колокол’. Калм. **Хонх** ‘колокольчик’.

Набор антропонимов ССМ включает в себя иноязычные элементы, в основном тюркские. Л. Беше [1978], В. И. Рассадин [1995] провели этимологический анализ около 40 имен, возвели их к тюркским апеллятивам. Имена из родословия Тэмучжина (ССМ, §§ 45–47) встречаются у бурят. Например, **Бөртэ** (или **Бүртэ**) **чино** — др.-тюрк. имя **Bört** + ‘волк’. У западных бурят — **Борто. Байшинхор** — **baj** ‘богатый’, **ᠰᠣᠩᠬᠣᠷ, сонхур** ‘кречет’. В бурятском языке встречается S-инициальная форма — **Сонхор** → фамилия **Сонхоров. Хабтурхас** — **qar** ‘сосуд, мех, бурдюк, мешок’, **turī** — имя собственное, **Qaz** — имя собственное или **qaz** ‘гусь’ [ДТС 1969: 420, 587, 438]. Ср. бурятское имя **Хазай**. Возможно, от

qar образованы **Хааба**, **Хаабшаг** (у бурят Верхоленья). Последнее ср. также с др.-тюрк. **qarɕuq** ‘мешочек’ [ДТС 1969: 420]. **Малиг** — вероятно, кит. **мǎ** ‘лошадь, конь, конный’, **Ма** (фамилия) и **-лиг** — др.-тюрк. аффикс со значением обладания по исходной основе [ДТС 1969: 656]. Бурят. **Маа**. В основе имени не нужно усматривать тибетское **ма** ‘женщина, мать’, поскольку имя бытует у верхоленьских бурят, среди которых не был распространен буддизм.

Таким образом, история монголов, в составе которой тюркский, китайский и тунгусо-маньчжурский этнический миры, и особенности религиозного воззрения, отражается как в языке, так и в наборе личных имен. Основные традиции именования людей у монголов в средние века продолжают функционировать в имятворчестве современных монголызычных народов. Так, в XII колене родословия потомков рода Худанса Шарайд хоринского племени значится **Үгэдэй** — имя третьего сына Чингис-хана; **Түмүүжэн** (≈XXIII колена, пгт. Агинское АБО).

Источники

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.: введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. 1. 619 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1 / пер. Л. А. Хетагурова / ред., примеч. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 279 с.

«Шара Туджи» – монгольская летопись XVII века / Свод. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: АН СССР, 1957. 199 с.

Литература

Ахманова О. С., Краснова И. Е. О методологии языкознания // ВЯ. 1974, № 6. С. 32–47.

Банзаров Д. Замечание о монголизмах в ярлыке Тохтамыш-хана // Собрание сочинений. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1997. С. 118–119.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 276 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 233 с.

Sources

[*Shar Tuuj (Sira Tuuji)*]: a 17th-Century Mongolian Chronicle]. N. P. Shastina (introd., transl., etc.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 199 p. (In Russ.)

[*The Secret History (of the Mongols)*]: a Mongolian Chronicle of 1240]. A. Kozin (introd., transl., etc.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. Vol. 1. 619 p. (In Russ.)

Rashid-al-Din. [Collected Manuscripts]. Vol. 1, book 1. L. A. Khetagurov (transl.), A. A. Semenov (ed., comment.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 279 p. (In Russ.)

References

[Dictionary of Old Turkic]. V. M. Nadelyaev et al. (eds.). Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ.)

[History of the Mongolian People’s Republic]. Moscow: Nauka, 1983. 661 p. (In Russ.)

[The Mongols: a Case Study of Tribal and Clan Names]. Goolbagan et al. (eds.). Ulagananda, 1991. 603 p. (In Classical Mong.)

Akhmanova O. S., Krasnova I. E. Methodology of linguistics revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1974. No. 6. Pp. 32–47. (In Russ.)

Banzarov D. Discussing Mongolisms in Khan Tokhtamysh’s *jarlig* (edict). In: [Collected Works]. Ulan-Ude: Buryat Institute for Social Science (Sib. Branch) of RAS, 1997. Pp. 118–119. (In Russ.)

Baskakov N. A. [Russian Family Names of Turkic Origin]. Moscow: Nauka, 1979. 276 p. (In Russ.)

Bese L. Some Turkic personal names in the Secret History of Mongols. *Acta Orientalica Academiae Scientiarum Hung.* 1978. Vol. XXXII (3). Pp. 353–369. (In Eng.)

Carpine G. da Pian del. *Ystoria Mongalorum*. Moscow, 1957. (In Russ.)

Denisova V. V. [Universal Mongolic Anthroponyms]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2004. 159 p. (In Russ.)

Dolgikh B. O. [Peoples of Siberia in the 17th Century: Clan and Tribal Structures]. Moscow:

Денисова В. В. Универсалии монгольских антропонимов. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. 159 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 621 с.

Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.

История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 661 с.

Карпини Дж. Дель Плано. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М.: География, 1957. 266 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., Л., 1959. 111 с.

Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.

Монголджин-у монгол обог кигедайилун нерес-үнсудулал / ред. Гоолбагана и др. Улагананда, 1991. 603 х. (на старомонг. граф.).

Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Герел, 2012. 253 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 381 с.

Рассадин В. И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 108–111.

Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 169 с.

Скрынникова Т. Д. Представления монголов XIII века о харизме и культ Чингис-хана // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 66–88.

Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1990. 192 с.

Сухбаатар Г. Монгольские этнонимы дочингисовской эпохи // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 68–76.

Щерба Л. В. О задачах лингвистики // Вопросы языкознания, 1962. № 2. С. 98.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 221 с.

Bese L. Some turcic personal names in the Secret History of Mongols // *Acta Orientalica Academiae Scientiarum Hung.* 1978. t. XXXII (3). p. 353–369.

USSR Academy of Sciences, 1960. 621 p. (In Russ.)

Khara-Davan E. [Genghis Khan as a Warlord and His Heritage]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 221 p. (In Russ.)

Malov S. E. [Mongolia and Kyrgyzstan: Monuments of Old Turkic Script]. Moscow, Leningrad, 1959. 111 p. (In Russ.)

Mitroshkina A. G. [Buryat Anthroponymy]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 224 p. (In Russ.)

Monraev M. U. [Kalmyk Personal Names: Semantics]. Elista: Gerel, 2012. 253 p. (In Russ.)

Murzaev E. M. [Essays on Toponymy]. Moscow: Mysl, 1974. 381 p. (In Russ.)

Nimaev D. D. [The Buryats: Ethnogenetic Issues]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 169 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. *The Secret History of the Mongols*: Turkic elements in the language of the monument. In: [*The Secret History of the Mongols*: Source Studies, History, Philology]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1995. Pp. 108–111. (In Russ.)

Rubruck W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World. Moscow: Geografiya, 1957. 266 p. (In Russ.)

Shcherba L. V. Revisiting challenges of linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*. 1962. No. 2. Pp. 98. (In Russ.)

Skrynnikova T. D. Genghis Khan’s charisma and cult: representations of 13th-century Mongols. In: [*The Secret History of the Mongols*: Source Studies, History, Philology]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1995. Pp. 66–88. (In Russ.)

Sukhbaatar G. Mongolian ethnonyms of the pre-Genghis era. In: [Mongolian and Buryat Ethnonyms]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1996. Pp. 68–76. (In Russ.)

Superanskaya A. V. [Name – Across Centuries and Countries]. Moscow: Nauka, 1990. 192 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. [Social Order of the Mongols: Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. 233 p. (In Russ.)